

0- 777780

На правах рукописи

АПАНАСЕНКО ЭЛЬВИРА ГЕННАДЬЕВНА

**РОССИЯ – ВОСТОК – ЗАПАД В ЗЕРКАЛЕ
РУССКИХ ЭТНОНИМОВ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Владивосток

2009

Диссертация выполнена на кафедре русского языка как иностранного Института русского языка и литературы Дальневосточного государственного университета

Научный руководитель: кандидат филологических наук,
доцент Рублева Ольга Львовна,
ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет».

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
доцент Шунейко Александр Альфредович,
ГОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный техниче-
ский университет»;
кандидат филологических наук,
доцент Князева Наталья Владимировна,
ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный гуманитарный
университет».

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Благовещенский государственный педагогический уни-
верситет».

Защита состоится 14 мая 2009 года; в ____ часов, на заседании диссертационного совета ДМ
212.056.04 при Дальневосточном государственном университете по адресу:
690600, г Владивосток, ул. Алеутская, 56, ауд. 422.

С диссертацией можно ознакомиться в Институте научной информации – Фундаментальной
библиотеке Дальневосточного государственного университета по адресу:
Владивосток, ул. Алеутская, 65-б.

Автореферат разослан "1" апреля 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000547907

Е.А. Первушина

Общая характеристика работы

Работа посвящена концептуальному содержанию этнонима, который является средством национальной идентификации и самоидентификации в русской языковой картине мира.

К изучению проблем межкультурной коммуникации обращаются представители широкого спектра социальных и гуманитарных наук; среди них – психологи, социологи, философы. В последнее время возникло также большое количество научных направлений, в названии которых фигурирует компонент *этно-*: этнопсихология, этнополитология, этносociология, этноконфликтология, этнопедагогика и др. Появилась новая дисциплина – *имагология*, в рамках которой рассматриваются представления одного народа о другом и стереотипы (Чистякова, 2001). Этнолингвистика (Герд, 2005) и этнопсихолингвистика (Красных, 2002) также вносят свой вклад в развитие данного направления, поскольку язык, с одной стороны, является средством обеспечения эффективного диалога между культурами, а с другой – формирует мировоззрение говорящего на нем человека, в том числе – представления о том, что значит принадлежать к той или иной этнической группе. В научном дискурсе этот феномен получил название «оппозиция «свой – чужой»». Лингвисты утверждают, что «исследование идентичности, оппозиции «свой – чужой» относится к наиболее актуальным задачам современной теории межкультурной коммуникации и новейших лингвистических исследований» (Гришаева, 2003).

Языковыми средствами выражения оппозиции «свой – чужой» могут быть различные единицы языка. Одну из важнейших ролей здесь играют *этнонимы*.

В отечественной лингвистике этнонимы традиционно трактуются как «особый разряд исторической лексики, названия различных видов этнических общностей: наций, народов, народностей, племен, племенных союзов, родов и т.п.» (Нерознак, 2002). Таким образом, этнонимы являются языковым средством репрезентации этнической идентичности. Наряду с этнической идентичностью в современных общественных науках выделяют идентичность политическую, территориальную, профессиональную. Языковые единицы, которые используются для номинации данных типов идентичности, в разных науках получили названия *политонимы*, *хоронимы* и *конфессионимы*.

В данной работе *этноним* трактуется в широком смысле как *лексическая единица, в которой репрезентируется признак этнической, политической, религиозной или территориальной идентичности*.

Исследования, посвященные изучению языковой картины мира этноса, в настоящее время весьма актуальны, что обусловлено как интралингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, к которым можно отнести следующие:

- изменение ценностных ориентиров в экономике, политике, науке, образовании;
- антропологический характер современной научной парадигмы, внимание к личности, в том числе языковой;
- акцентирование различных аспектов (психологических, лингвокультурных, этнических) деятельности языковой личности;
- внимание к языку как социо-культурному фактору национальной идентичности, как средству национального самоопределения.

В связи с этим **Актуальность** работы определяется необходимостью освещения на языковом материале классических и современных художественных и публицистических текстов проблем концептуализации национального характера, что позволяет выявить некоторые особенности русского этнонимического тезауруса (этнонимы, этнонимические словосочетания), которые имеют высокую культурную и социальную значимость и играют особую роль в межкультурном общении на современном этапе.

Объект исследования – этнонимы и этнонимические словосочетания с базовой номинацией *русский, англичанин, француз, немец, японец, китаец*, а также этнопонимы *Русь, Россия, Англия, Франция, Германия, Япония, Китай*.

Предмет исследования – концептуальное содержание этнонима (семантика, лингвокультурные коннотации, отражающие представления русских о себе (автоэтнонимы), от-

дельных этносах Запада и Востока и выявляющие специфические отношения русских к данным этносам).

Материалом для исследования послужили русские классические и современные художественные, публицистические тексты, высказывания известных политических, религиозных деятелей, ученых, писателей, журналистов и других лиц, мнение которых считается авторитетным, формирующим аксиологическую базу национальной идентификации в контексте современной эпохи. Также в качестве материала для исследования используются лингвистические словари XIX–XX вв. и справочники, отражающие этнонимический состав русского национального и, в частности, литературного языка.

Цель работы – выявление лингвокультурных коннотаций указанных этнонимов, их дериватов, этнопонимов и этнонимических словосочетаний, отражающих в «этнонимическом зеркале» русскую языковую картину мира в отношении данных стран и народов. Для достижения поставленной цели необходимо решить определенные

задачи:

– выявить русский этнонимический словарный фонд, включающий номинации *Россия, Русь, русский; Англия, англичанин; Франция, француз; Германия, немец; Япония, японец, Китай, китаец* и их производные;

– проанализировать лингвокультурный состав концепта «Россия», отражающий национальную самоидентификацию;

– установить семантические основы соотношения номинаций «Россия – Восток – Запад»;

– определить лингвокультурные характеристики и особенности функционирования этнонимов и этнонимических словосочетаний с базовой номинацией *англичанин, француз, немец, японец, китаец* сквозь призму оппозиции «свой – чужой»;

– установить экстралингвистические факторы, влияющие на активные языковые процессы в области русских этнонимов.

Решение данных задач предполагает использовать следующие

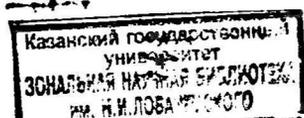
методы: описательный, когнитивный, метод лингвокультурологического анализа, лингвостилистического анализа, контекстного анализа, лингвистического эксперимента.

Совокупность этих методов позволяет проанализировать семантическую актуализацию этнонимов и этнонимических словосочетаний в их контекстуальном окружении, выявить дополнительные (выразительные и изобразительные) языковые средства реализации позитивной и негативной эксплицитной и имплицитной информации о перечисленных выше этнонимах и их производных в рамках оппозиции «свой – чужой».

Научная новизна работы заключается в исследовании функционирования отдельных единиц – этнонимов и этнонимических словосочетаний в различных дискурсах и выявлении активности их использования в разные временные периоды (XVIII – XXI вв.), а также в определении лингвокультурной специфики этнонимических образований в рамках актуального языкового материала.

Положения, выносимые на защиту:

1. Этнонимы и этнонимические словосочетания как языковые единицы являются эксплицитными и имплицитными средствами выражения оппозиции «свой – чужой» в русской языковой картине мира при национальной идентификации и самоидентификации.
2. Соотношение понятий «Россия – Восток – Запад» стало актуальным во всех языках и в особенности русской языковой картине мира, что отражает тенденцию поиска культурной идентичности России между Востоком и Западом. Данное соотношение становится стереотипным в русском языке.
3. Этнонимы и этнонимические словосочетания концепта «Россия» актуализируются в лингвокультуремах и отражают специфику русской языковой картины мира в области 1) русского православия, 2) высших форм русской ментальности, 3) социокультурного языкового портрета русского человека, 4) «русскости» как этнокультурного феномена.

4. Русский этнонимический словарный фонд, представляющий этносы Запада (англичане, французы, немцы), неодинаков в количественном отношении, что является показателем различной степени активности межкультурной коммуникации. Наличие / отсутствие в национальном тезаурусе этнонимов и их синонимических замен с негативной коннотацией типа *немчик, лягушатник* отражает неоднозначное отношение русских к данным этносам в зависимости от участников дискурса и хронотопа.
5. Этнонимические номинации, употребляемые в отношении Востока часто актуализируются с негативной коннотацией, интенсифицируя этнокультурную оппозицию «свой – чужой».
6. В последние десятилетия наблюдается тенденция к нейтрализации экспрессивного и оценочного коннотативных компонентов значения в этнонимах и этнонимических словосочетаниях, называющих народы Западной Европы (французы, немцы), и, напротив, активизации данных компонентов по отношению к китайскому этносу, с которым Россия связывают тесные культурные и торгово-экономические отношения.

Теоретическая значимость данного исследования определяется использованием интегрального, дифференциального и трансформационного подходов в рамках когнитивного анализа этнонимов и заключается в выявлении на этой основе особенностей концептуального содержания этнонимов, выражающих этносемантическое соотношение «Россия – Восток – Запад». А также этнонимы могут быть исследованы как фрагмент русской языковой картины мира, как явление национального самосознания.

Практическая ценность работы заключается в возможности применения ее отдельных материалов в области этнонимической и лингвокультурологической лексикографии и лексикологии, а также в возможности ее использования в вузовском преподавании курсов теории языка, лингвокультурологии, при разработке соответствующих методических пособий и дидактических материалов по русскому языку. Результаты исследования могут быть применены на междисциплинарном уровне в этносоциологии, этнопсихологии и других дисциплинах, изучающих различные аспекты межэтнического взаимодействия.

Теоретической базой исследования послужили идеи и концепции когнитивной лингвистики, прежде всего, лингвокультурологии, реализованные в трудах В.В.Воробьева и В. И. Карасика.

Апробация работы. Отдельные материалы работы были использованы в VIII международной научно-методической конференции УГПИ «Проблемы славянской культуры и цивилизации» в 2006 г. По материалам диссертации были сделаны доклады на международных научных конференциях ДВГУ: «Россия – Восток – Запад: Проблемы межкультурной коммуникации» в 2007 г., «Русский язык и русская культура в диалоге стран АТР» в 2008 г.

Цель и задачи исследования обусловили структуру работы: диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка.

Содержание работы

Первая глава «Основные вопросы концептуальных исследований» представляет теоретическое обоснование диссертационной работы. В связи с тем, что предметом исследования являются этнонимы и этнонимические словосочетания, отражающие русскую языковую картину мира, связанную с идентификацией и самоидентификацией представителей русского этноса, возникла необходимость рассмотреть понятие языковой картины мира (далее ЯКМ) и определить место этнонима в ней.

ЯКМ имеет субъективно-национальный характер, поскольку в каждом языке представлена особая точка зрения на мир, – та точка зрения, с которой смотрит на него народ. «В языке конкретного сообщества, – писал Л. Вайсгербер, – живет и воздействует духовное содержание, сокровище знаний, которое по праву называют картиной мира конкретного языка» (Вайсгербер, 1993).

ЯКМ, отраженная «в зеркале» этнонима и этнонимического словосочетания (далее ЭС), имеет ярко выраженную национальную окраску, поскольку акцентирует внимание на

тех национальных признаков, явлениях, действиях, которые представляют особый интерес одного этноса в отношении другого и рождают языковые аномалии (термин Н.Д. Арутюновой), а этнонимический словарный фонд определяет степень активности межкультурной коммуникации.

Этнонимы в широком смысле понимаются как лексические единицы, обозначающие виды этнических обществ – названия наций, народов, народностей, племён, племенных союзов, родов и др., а раздел ономастики, изучающий происхождение, функционирование, структуру и ареал этнонимов – называю этнонимикой.

В этнонимике существуют различные классификации этнонимов, выделяемые на основании определенных признаков. На основании численности населения этнической группы этнонимы принято разделять на макроэтнонимы – генетически разнородные большие этносы например, *русские*, *американцы* и микроэтнонимы *кривичи*, *печенеги*. С точки зрения субъектно-объектного отношения, номинации они делятся на автоэтнонимы (самоназвание этноса) и аллоэтнонимы (то, как его называют другие) (Васильева, 2001). Для этих же категорий в этнографии и социологии употребляются термины эндоэтнонимы и экзоэтнонимы.

М.В. Крюков выделяет псевдоэтнонимы, или этнофолизмы, классифицируя их следующим образом: 1) географические («среднеазиаты»); 2) антропологические («негры», «бледнолицые»); 3) религиозные («мавры», «ваххабиты»); 4) культурно-исторические («варвары»); 5) социально-политические («царские скифы»); 6) мнимые («татары» – для всего населения Сибири, Дальнего Востока) (Крюков, 1970).

Г.Ф. Ковалев выделяет четыре типа этнонимов, сопоставляя их морфологические характеристики со стадией общественного развития: 1) этнонимы бесформатные и практически немотивированные (Чюдь, Жмудь, Меря, Мещера); 2) этнонимы формантные с разнообразными (включая топографические) мотивировками. Данный этап охватывает период конца язычества и начало распространения христианства у славян. Отсюда библейские отхоронимические этнонимы; 3) формантные этнонимы, образованные от хоронимических основ. С этого типа начинается этап этнонимической номинации, характерный для эпохи развитой государственности современного образца (Япония – японцы, Коста-Рика – костариканцы); 4) бесформатные (чаще всего неизменяемые) этнонимы, являющиеся, как правило, заимствованиями из неславянских языков (кикуюю, лухья, камба, луо, календжин – афр.) (Ковалев, 2003: 108).

Наряду с этнической идентичностью в современных общественных науках выделяют идентичность политическую, территориальную, конфессиональную. Языковые единицы, которые используются для номинации данных типов идентичности, в ономастике получили названия *политонимы*, *хоронимы* и *конфессионимы*. Однако в силу того, что сами категории *нация* и *этнос* трактуются неоднозначно в современных гуманитарных науках, а также в связи со значительными изменениями в структуре населения современного мира, границы между этнонимами, политонимами и другими единицами этого ряда становятся размытыми. В результате в отечественной лингвистике происходит расширение значения категории *этноним*. К таковым сейчас относят такие единицы, как *американец*, *араб*, *швейцарец*, хотя с точки зрения традиционной отечественной этнографии ни *американцы*, ни *арабы*, ни *швейцарцы* этнической общностью не являются.

В словарный состав современного русского языка входит большое число экспрессивных этнонимов, большая часть которых приходится на разновидности нелитературного языка. Среди экспрессивных этнонимов происходят следующие лексические процессы: приобретение экспрессивности (жид, лях, нацмен, чукча); утрата экспрессивности (хохол, немец, азиат – «жестокий, некультурный, отсталый человек»); устаревание (лях, галл – «француз», бош – «немец» (времен Первой мировой войны) и т.п.); появление неологизмов (в последние десятилетия: блэк «негр», ламершанец – (из наложения комп. жарг. Ламер – «начинающий пользователь компьютера и американец», чехи, чичи – «чеченцы» и др.).

В данной работе этноним трактуется в широком смысле как **лексическая единица, в которой репрезентируется признак этнической, политической, религиозной или территориальной идентичности.** Для названия территориальной этнонимической единицы (*Россия*,

Англия, Германия и др.) употребляется термин **этнопоним**. Для обобщающего названия этнонимических единиц нами вводится термин **этнолексема** (этнонимическая лексема).

Во втором параграфе рассматривается концепт как объект лингвистических исследований, поскольку концепты, получившие объективацию в языке, являются частью ЯКМ. К числу наиболее дискуссионных можно отнести вопросы, касающиеся структуры концепта, его вербализации, методики описания, а также определения корреляции таких терминов, как концепт, понятие, значение. Обзор работ позволяет проследить основные подходы к решению данных проблем.

В когнитивной лингвистике на сегодняшний день выделяются несколько направлений, базирующихся на различных подходах к понятию концепта и предлагающих свои методики его анализа. **Культурологическое** направление (Ю.С. Степанов) рассматривает концепты как элементы культуры. Язык в данном случае выступает как один из источников знания о концепте. **Логическое** направление (Н.Д. Арутюнова, Р.И. Павелёнис) предполагает применение к концепту логических методов вне зависимости от их языковой формы. **Семанτικο-когнитивное** направление (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, З.Д. Попова, И.А. Стернин) исследует лексическую и грамматическую семантику языка, актуализирующую содержание концепта. **Философско-семиотическое** направление (А.В. Кравченко) исследует когнитивные основы знаковости. **Лингвокультурологическое** направление (В.И. Карасик, В.В. Воробьев, Г.Г. Слышкин, В.А. Маслова) исследует концепты как языковые элементы лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры: **направление «от языка к культуре».**

В нашей работе предполагается использовать **лингвокультурологический** подход к анализу этнонимов как особых компонентов лингвокультуры. Этнонимы, этнопонимы и этнонимические словосочетания (*Россия, Русь, русский, русское сердце*) с глобальными культурными смыслами во второй главе, посвященной концепту «Россия», рассмотрены как **семантические доминанты концепта** и их репрезентанты – **лингвокультуремы** (термин «лингвокультурема» разработан В.В. Воробьевым). «Лингвокультурема как комплексная межкурсовая единица представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержаний» (Воробьев, 1997).

При описании концепта и, в частности, семантических доминант и лингвокультурем, **частично** использованы методы, предложенные В.И. Карасиком. Описание концепта, по В.И. Карасику, – это специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений: 1) дефинирование (выделение смысловых признаков); 2) контекстуальный анализ (выделение ассоциативно связанных смысловых признаков); 3) этимологический анализ; 5) интервьюирование, анкетирование, комментирование (Карасик, 2002).

Вторая глава посвящена концепту «Россия» в русской языковой картине мира. Внимание уделено происхождению, значению этнонимов и этнопонимов с корнями *-рус-, -рос-*. Выявлен этнонимический словарный фонд, описаны основные семантические доминанты концепта «Россия» и их репрезентанты – лингвокультуремы, отражающие в «этнонимическом зеркале» русскую языковую картину мира.

В первом параграфе представлены «северная» (Г.А. Хабургаев, Д.А. Мачинский, Х. Ловмянский) и «южная» (С.А. Гедеонов, Д.И. Иловайский, М.С. Грушевский, А.Н. Насонов) гипотезы происхождения этнопонимов *Русь, Россия* и этнонимов *русские, россияне*. Вопрос об этимологии данных этнонимических единиц остается открытым, поскольку ни одна гипотеза не является полностью доказанной, хотя обе в большей или меньшей степени аргументированы. На наш взгляд, более убедительной представляется гипотеза «внешнего», а не «автохтонного» происхождения этнопонима *Русь*.

Не менее важным является вопрос о семантике номинации *Русь*. Слово *Русь*, по наблюдениям В.О. Ключевского и Ю.С. Степанова, имело как минимум четыре значения: 1) этнографическое: *русь* – племя; 2) социальное *русь* – сословие; 3) географическое: *Русь* – область и 4) политическое: *Русь* – государственная территория.

Спорным остается вопрос о соотношении слов *Русь* и *Россия* и о времени проникновения этнонимов с корнем *-рос-* в русские памятники. А.В. Соловьев (Соловьев, 1957) обратил внимание на то, что расхождение форм *рос-* и *рус-*, кроме русского языка, есть только в новогреческом. В других иностранных языках употребляется форма с корнем *рус-*, а в венгерском и польском – с корнем *рос-*. А.В. Соловьев утверждает, что все русские памятники XI–XIV вв. за редчайшими исключениями употребляют названия *Русь*, *русин*, *Русская земля*, а византийская огласовка *Рос/Россия* остается чуждой русскому языку. Формы *Россия*, *Росея*, по мнению ученого, появились в русской письменности в XV – XVI вв. под влиянием теории об исторической связи русского народа с роксоланами, росанами – народами, описанными древними авторами. Л.К. Муллагалиева называет другие даты: «... Все русские памятники XI – XIV вв., за редчайшими исключениями, – утверждает автор, – употребляют термины «Русь», «Русская земля». Названия «Росия», «Росея», «Великая Росия», «Малая Росия», «Российское государство» утверждаются в первой половине XVII в. под влиянием византийских форм и становятся приметой «высокого стиля», языка высокой поэзии или языка канцелярии (Муллагалиева, 2006). А.В. Пеньковский в статье «Россия – Ро(а)с(с)ея» (Пеньковский, 2004), анализируя семантическую и стилистическую трансформацию фонетических вариантов *Россия* – Ро(а)с(с)ея, говорит о том, что слово *Россия* «возникло на рубеже XV–XVI вв. как совершенно искусственное (транслитерация с греческого) торжественное образование высокого официоза. Несмотря на дискуссионность вопросов о семантике и времени проникновения в русский тезаурус исследуемых этнонимов, очевидным является тот факт, что номинации *Русь*, *Россия*, *русские*, *россияне* образуют единую семантическую группу, поскольку история русского государства неотделима от истории русского народа, и понятия «государство», «нация» тесно связаны. Структурная и семантическая связь данных лексем исторически обусловлена и отражена в древних и современных юридических и художественных текстах.

Частеречный состав современного этнонимического фонда с исходными лексемами *Русь*, *Россия*, *русин*, *русский* довольно различен: в него входят имена существительные (*великоросс*, *русист*), прилагательные (*всероссийский*, *древнерусский*), наречия (*по-российски*, *по-русски*), глаголы (*русифицировать*, *обрусеть*), образованные по разным словообразовательным моделям. Обозначая лица, явления, процессы, качества, действия и др. по национальному и территориальному признакам (доминирующие семьи), данные парадигматические ряды образуют несколько смысловых блоков: историко-культурный, социальный, этнографический, собственно лингвистический – и формируют семантическую структуру концепта «Россия».

Просторечную и разговорную окраску (по данным различных словарей) имеет автоэтноним (самоназвание) *русак*. Данный этноним является практически единственным, который обладает эмоциональной и экспрессивной коннотацией в рамках национальной самоидентификации. Трактовки словаря Д.Н. Ушакова («Человек с чертами русского народного характера – хороший простой русский человек») и БАС («Человек с ярко выраженными чертами русского народного характера») практически совпадают, но в словаре Ушакова, кроме национального признака, присутствует положительно оценочный характерологический признак – «хороший, простой». Присутствие пометы «устаревшее» в данных словарях говорит о том, что слово долгое время находится за пределами литературного языка. В Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой слово *русак* дано с пометой «разговорное» и определено нейтрально – «русский человек». Экспрессивная и эмоциональная окраска лексемы ярко выражена в художественном дискурсе (классические и современные тексты). «*А мой водила и говорит Лысому: – ты еврей или русский? Лысый обиделся, разозлился: – Да ты что белены объелся? Нашел, бля, еврея!.. Да я русак чистейших кровей!.. Да я этих жидов!..*» (Кунин. Кыся).

Наблюдается семантическая трансформация таких слов, как *русификатор*, *русификация*, *русифицировать*. В Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под редакцией Г.Н. Скларевской эти слова даны с пометой «информатика» как специ-

фические термины данной области. Например, Русифицировать. *Информ.* Расширить / расширять возможности системы, добавив работу с кириллическими символами. *Русифицировать операционную систему. Русифицировать программу.* Другие значения этого слова не описаны в данном словаре, по-видимому, как неактуальные. Однако это не означает полную утрату прежнего лексического значения. В Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой, например, лексема *русифицировать* толкуется как «сделать (делать) русским по языку обычаям». Таким образом, наблюдается расширение семантики слов с данным корнем.

Наблюдается также расширение фразеологического фонда лексем с этнонимическим субстантивом и адъективом *русский*. В упоминаемом выше Толковом словаре русского языка начала XXI века как устойчивые фиксируются следующие словосочетания: *новый русский, русский рок, русское (российское) зарубежье, Русское Национальное Единство*. Данные словосочетания, регулярно употребляются в современной речи, дополняя русскую языковую картину мира.

Концепт «Россия», анализируемый в рамках национальной самоидентификации (второй параграф), содержит большое количество семантических доминант и их элементов – лингвокультурем, которые являются неотъемлемыми компонентами русской национальной лингвокультуры. Они отражают национальные ценности и особенности российского и русского жизненного уклада.

Для исследования лингвистической самоидентификации были выбраны такие семантические доминанты концепта «Россия», которые отражают два основных, на наш взгляд, культурных слоя: один связан с высшими культурно-этическими ценностями (доминанты «Русское православие», «Высшие формы русской ментальности»), другой – с социокультурными особенностями в рамках жизненных установок, национальных привычек (доминанта «Социокультурный языковой портрет русского человека»).

В результате было определено, что этнонимы и этнонимические словосочетания субстантивного (*Россия, Русь, русские, русский, русская*), адъективного (*русский, российский*) и адвербиального (*по-российски, по-русски*) типов, функционирующие в различных дискурсах, являются особыми лингвистическими единицами, отражающими национальное когнитивное сознание в отношении ментальных, социальных, эмоционально-структурных, поведенческих и других этнокультурных особенностей.

В качестве лингвокультурем были выбраны ЭС, обозначающие некоторые базовые национально-культурные понятия. Доминанта «Русское православие» актуализирована лингвокультурами: *святая Русь, православная Русь, крещеная Русь, русская идея, русская ре-*

лигия (наша идея, наша религия), русское православное сознание, русская христианская цивилизация, русская мораль, русская религиозность, русская соборность, русская вера, русский бог. Например: «...граждане новгородские молили князю воспользоваться таким примером и общими силами, с именем бога русского ударить на варваров...» (Карамзин. Марфа-Посадница или покорение Новгорода). «Ходит в зиму студеную, / Ходит в летние жары, / Вызывая Русь крещеную / На посильные дары...» (Некрасов. Влас). «Кто ведает, откуда этот рой басурманов налетает на православную Русь?» (Полевой. Симеон Кирдяпа).

Доминанта «Высшие формы русской ментальности» актуализирована лингвокультурами: русский человек, русский народ, русское воинство, русский дух, русская душа, русское сердце, русский героизм, русская слава. Например: «Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос... Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем» (Тургенев. Певцы). «И я понял, что это один из тех людей, которые иногда ошибаются, иногда без нужды рискуют, но у которых есть такое сердце, какого не найдешь нигде, кроме России, – веселое и неукротимое русское сердце» (Симонов. Русское сердце).

Доминанта «Социокультурный языковой портрет русского человека» актуализирована лингвокультурами: русская работа, русская лень, русское расточительство, русское пьянство, русская песня. «На внешних рынках вооружений «русская работа» пользуется неизменным спросом, успешно конкурируя с «работой» американской и западноевропейской» (<http://www.whoiswho.ru/russian/Password/journals>). «Но особенно бесит скурых западных туристов русское расточительство – они катаются на водных лыжах ... Вину за такое поведение русских западные издания во многом возлагают на недавнее советское прошлое...» (<http://7wow.by/content/view/103/1/>). «Писатель Александр Зиновьев как-то сказал: "Русское пьянство - не есть явление чисто физиологическое, это явление скорее психологическое и социальное. Русское пьянство есть нечто вроде буддизма для индусов и конфуцианства для китайцев..."» (Никишин. Пить или не пить). «Поярков виртуозно играл на гитаре, затем хором пели окаянные русские песни, от которых замирает сердце и все в жизни кажется рывающим» (Горький. Клим Самгин).

Номинация «Русскость» в науке рассматривается как отдельная терминологическая единица. В результате исследований (Г.П. Федотов, В. Жданова), были выявлены черты, определяющие понятие русскости: широта, бунтарство, кутежи и разгулы, фантастическое прожигание жизни, безалаберность и артистизм, который выражается в цыганской песне и пляске, щедрость, великодушие, детскость и мрачность. Русские определяются как хорошие / лучшие люди, радушные душевные, странные для остальных стран, уникальные, особенные люди, которые в то же самое время свиньи и гении, и дураки, очень закомплексованные, варвары с широкими запросами, которых характеризует «лень, питье водки, душа и глупость». Символом «русскости» вообще и, в частности, русского человека является русский Иван (Ваня). По словам А.В. Суперанской, «часто случается так, что национальные имена сливаются с национальными образами. Так, выражение наш русский Иван означает весь русский народ» (Суперанская, 1986). «Его брали в ЖЭК электриком. Там сплошь татары, но он (казах) им пришлось по душе... Им лишь бы не русский Ваня... Вани у них только на подхвате» (Щербакова. Причуды и странности любви). ЭС русский Иван является синонимическим эквивалентом субстантивного этнонима русский.

В заключительной части второй главы исследуется семантика соотношения «Россия – Восток – Запад» в русском языковом сознании. В лексико-семантическом плане соотношение неравнозначно, то есть, с одной стороны, данные номинации нельзя соединять в одном ряду, поскольку в названии Россия сема «национальность» является основной, а в названиях Восток и Запад данная сема включена имплицитно, через родовидовые отношения; с другой стороны, данное объединение может быть логически оправдано, если в номинации «Россия» выдвигается на первый план территориальный признак, который подразумевает сосуществование различных народов на территории России.

Соотношение «Россия – Восток – Запад» обладает широким семантическим спектром, включающим культурно-исторические, политические, экономические, религиозные и другие

связи, однако не все страны, населяющие Восток и Запад, имеют тесные связи с Россией, поэтому более точным было бы определить соотношение как «Россия – Европа – Азия». Наш выбор обусловлен соблюдением терминологического единообразия, определенного темой исследования.

В результате лексико-семантического и контекстуального анализа было выяснено, что соотношение «Россия – Восток – Запад» является семантически сложным, неоднозначным и поэтому возникла необходимость рассмотреть его различных ключах: интегральном, дифференциальном, трансформационном. Принятая нами терминология довольно условна, ее применение было мотивировано желанием приблизительно структурировать семантику сложных взаимоотношений России с Востоком и Западом, которые возникли несколько веков назад и продолжают развиваться в настоящее время. Кроме того, нужно отметить, что данное «соотношение» уже является стереотипным в русском языке, его можно считать традиционной формулой, штампом.

В интегральном ключе соотношение «Россия – Восток – Запад» рассматривается как триединство, составляющее культурно-историческую основу России, то есть «Россия, как общество есть один огромный «Востоко-Запад». В нем причудливым образом совместились и переплелись два потока мировой истории и культуры: западное (либеральное, индивидуальное) и восточное (коллективное, общинное)» (Горбачев, 1995). Также были рассмотрены двухкомпонентные соотношения: «Россия – Запад» (П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Б. Успенский, Б. Пильняк) и «Россия – Восток» (В. Соловьев, М. Горький, К.Н. Леонтьев, Л. Люкс).

В дифференциальном ключе Россия, Восток и Запад рассматривались как различные культурно-исторические типы с имманентными национальными (народы Востока и Запада) особенностями, противопоставленными России в русском языковом сознании. В данном ключе соотношение было представлено как «Россия – Восток, Запад», и проанализировано в рамках оппозиции «свой – чужой».

Россию можно также расценивать как страну, периодически «примеряющую то европейский фрак, то татарский халат». И для рассмотрения соотношения «Россия – Восток – Запад» в этом ключе мы применили технический термин трансформационный в переносном значении (Лат. *transformatio* – преобразование, превращение, видоизменение). При трансформационном подходе соотношение «Россия – Восток – Запад» можно рассмотреть как тенденцию русских к «национальной трансформации» (термин наш – Э.А.), то есть отсутствию национальной целостности, обособленности, способности быть то европейцами, то азиатами в определенных исторических условиях.

В третьей главе «Запад в русской языковой картине мира» объектом исследования являются национальные представления русских о странах Западной Европы, которые актуализированы этнонимами *англичанин, немец, француз* и их производными, этнотопонимами *Англия, Германия, Франция*, этнонимическими словосочетаниями, употребляемыми в контекстах классических и современных произведений различных стилей и жанров. Данные страны и народы в силу исторических, территориальных, внешнеэкономических и других экстра- причин оказались в зоне наиболее пристального внимания русского человека.

В результате были выявлены семантический объем и различные лингвокультурные коннотации этнонимов и ЭС, которые зависят от русских культурных и национальных стереотипов. Этнокультурные стереотипы – это обобщенное представление о типичных чертах, которые характеризуют какой-либо народ. Так, например, стереотипными являются представления об английской чопорности, французской ветрености, немецкой педантичности, которые получили и соответствующее языковое выражение в устойчивых словосочетаниях.

В разделе «Англия и англичане в русской языковой картине мира» представлен этнонимический словарный фонд, выделены и проанализированы этнонимы и этнотопонимы с корнями *-англ-, -брит-*, их дериваты, синонимические эквиваленты, в том числе перифразы, а также ЭС (свободные и фразеологические), отражающие различные аспекты жизни Англии и англичан.

Объективные и субъективные наблюдения, суждения, умозаключения русского индивида (ученого, писателя, публициста, обывателя), касающиеся различных аспектов жизни Англии и англичан, объединены в различные тематические группы, где ключевыми единицами являются этнонимические словосочетания типа *чопорный англичанин*, *английский чудак*. Перечисленные выше художественные и публицистические произведения содержат этнонимы, контекстуально характеризующие Англию с точки зрения различных сфер государственного устройства – территориальной, социальной, политической и англичан как граждан, называемых по их соответствию определенному лингвокультурному типу – территориальному, социальному, политическому, специфически национальному.

Термин «лингвокультурный типаж» мы использовали вслед за В.И. Карасиком, который понимает его как «разновидность лингвокультурного концепта, содержанием которого является обобщенный образ человека как представителя определенной социальной группы в рамках лингвокультуры, этот образ может быть дефинирован (понятийный аспект), описан (образно-перцептивный аспект), и объяснен (ценностный аспект)» (Карасик, 2006). В нашей работе семантика термина «лингвокультурный типаж» была расширена, поскольку определение «лингвокультурный» может включать не только социальный, но и другие аспекты, характеризующие личность как национальный «типаж».

В результате проведенного исследования было выявлено, что в поле зрения русского человека находятся различные сферы жизни Англии (территориальная, политическая, социальная, специфически национальная) и этнокультурные аспекты деятельности англичан (быт, поведение, национальный характер и другие), так или иначе отраженные в языковом материале.

Этнонимический словарный фонд, включающий этнонимы *Англия*, *английский* и их производные, сравнительно небольшой; основной процент занимают имена (существительные, прилагательные), вступающие в антонимические связи (типа *англофил* – *англофоб*; *англофильский* – *англофобский* и т.п.), а также наречие *по-английски*.

Фразеологический фонд представлен небольшим количеством устойчивых словосочетаний с этнонимом *английский* типа *английская соль*, *английский рожок*; наблюдается тенденция к расширению фразеологического состава за счет словосочетаний типа *английский костюм*, *английская булавка*, *уйти по-английски*.

В исследованных текстах (чаще публицистических) отмечены этнонимы и этнонимические словосочетания, употребляемые в переносном значении (эпитеты, метафоры, метонимии, перифразы): *альбионцы*, *Альбион*, *добрая старая Англия*, *коварный Альбион*, *благонамеренная Англия*, *Английская государственная пирамида*, *Британская корона*, *Туманный Альбион*, *родина парламентаризма* и другие.

В итоге наблюдений было выявлено, что различные сферы жизни Англии и англичан в большей мере представлены свободными словосочетаниями типа *английский парламент*, *английский клуб*, *английский купец* и т.д. с нейтральной коннотативной окраской. Сферы социальной и политической деятельности англичан не могут идентифицироваться с параллельными сферами других этносов (ср. *русский купец*, *американский демократ*, *немецкий предприниматель*), поскольку имеют имманентное концептуальное содержание, предполагающее определенный тип коммуникации, особые принципы социальных отношений, стиль поведения и другие признаки.

Этнонимические словосочетания, обозначающие специфически национальные ЛТ и национальные черты характера (*английский сноб*, *английский любитель*, *английский профессионал*, *английский прагматизм*, *английская гордость*, *английская честность*), рассматриваются носителем русского языка при включении оппозиции «свой – чужой», поэтому в контексте могут приобретать негативную коннотацию, связанную с противоположными русской культуре аксиологическими принципами. То есть данные черты отмечены как «аномальные» (по терминологии Арутюновой).

По причине отсутствия тесных исторических, политических и внешнеэкономических отношений между Россией и Англией русским народом практически не созданы оценочные

этнонимические образования с корнем *англ.* (ср. *французик, итальяшка, неметчина* и т. п.), что свидетельствует о низком общенародном внимании к Англии и англичанам. Исключения составляют лишь исследования отдельных ученых, публицистов, писателей, путешественников, которые слабо актуализированы в разговорной речи устойчивыми оборотами и этнонимическими номинациями.

В разделе «**Франция и французы в русской языковой картине мира**» представлен этнонимический словарный фонд, выделены и проанализированы этнонимы с корнем *франц-, -франк-*, их дериваты, синонимические эквиваленты, в том числе художественные перифразы, а также ЭС (свободные и фразеологические), отражающие индивидуальные и коллективные (стереотипные) взгляды представителей русского этноса на Францию и французов.

В результате исследования было выявлено, что языковая картина мира, отражающая особый взгляд русских на Францию и французов, практически полностью сложилась к концу XIX в. (что обусловлено экстралингвистическими факторами) и реализовалась в отдельных этнонимах, свободных и фразеологических этнонимических словосочетаниях, наполнявших художественную и разговорную речь.

В данном разделе были проанализированы этнонимы и ЭС в текстовых фрагментах (описания, высказывания, суждения, оценки) таких авторов, как Н.М. Карамзин, Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и других. Этнонимические единицы в контексте художественных произведений актуализируют характер, поведение, нравы, традиции, национальные привычки и другие аспекты жизни французов.

Семантика концептуального содержания этнонима *француз* с точки зрения русского национального сознания тематически очерчена. Лингвокультурный типаж оценочно полярен. С одной стороны, образ француза негативно окрашен, что подтверждается использованием прямых номинаций со сниженной стилистической окраской *французик, французиска*, которые также зафиксированы в словарях (подобных номинаций с корнем *-англ-* не существует). Данные лексемы функционируют в художественных текстах (речь персонажей), выражая отрицательную модальность. Например: *Monsieur L'abbe, француз убогий, / Чтоб не измучилось дитя, / Учил его всему шутя, / Не докучал моралью строгой...* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин). *Французик из Бордо, надсаживая грудь, / Собрал вокруг себя род веча / И сказывал, как снаряжался в путь* (А.С. Грибоедов. Горе от ума). *За столом французик тонировал необыкновенно; он со всеми небрежен и важен* (Ф.М. Достоевский. Игрок). *Сухорукое явно обрадовался такой сделке. - ... Продаю тебя, скота, этому белобрысому французичке* (И. Измайлова. Собор). С другой стороны, образ француза предельно романтизирован. Премственность национального самосознания в отношении превосходства французов (культура, язык, поведение, мода и другие факторы) сохраняется на протяжении двух веков. Данное положение доказывается фрагментами художественных произведений и высказываниями современников. Например: *Скажу: огонь, воздух – и характер французов описан. Я не знаю народа умнее, пламеннее и ветренее... Веселая безрассудность есть милая подруга жизни его... Чувствителен до крайности, страстно влюбляется в истину, славу, в великие предприятия* (Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника). – *А какова нынче Клер? Чудо!... Сколько ни смотри, каждый день новая. Только одни французы могут это* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина).

Для выяснения позиций современного человека по отношению к Франции и французам и выявления константных языковых стереотипов был проведен эксперимент, в котором молодым представителям русской интеллигенции (студенты филологического факультета ДВГГУ – 120 человек) было предложено выполнить три задания: 1) построить ассоциативный ряд, связанный с понятием «Франция»; 2) построить ассоциативный ряд, связанный с понятием «француз»; 3) ответить на вопрос: «Что такое настоящий француз?» Приведем наиболее типичные ассоциативные ряды, определившие реакцию на слово-стимул *Франция*.

Эйфелева башня – серенады – духи – Париж – изысканность – любовь – романтика – путешествие.

Революция – мода – Наполеон – вино – французская булка – Эйфелева башня – Лувр – Париж – любовь – романтика.

В итоге было выявлено девять пунктов с отдельными номинациями и тематическими группами, в которые входят лексемы с довольно регулярной частотностью употребления. 1. *Эйфелева башня* – 80%. 2. *Париж*. Тематическая группа *Представители классического искусства* – 50%. 3. *Лувр* – 40,7%. 4. Тематическая группа *Актеры, певцы* – 40,2%. 5. Тематические группы *Парфюмерия, Спиртные напитки* – 30,6%. 6. Лексемы *мода, любовь, булочки* – 30,1%. 7. *Елисейские поля* – 20,6%. 8. Лексемы *романтика, поцелуй, Наполеон* – 10,5%. 9. Лексемы *Сорбонна, лягушки (тщца), революция* – 10%.

Если провести временной срез, то можно обнаружить, что регулярно в различных русских текстах появляются отдельные номинации и лексемы, входящие в пункты № 2, 5, 6, 8. Данные понятия рисуют языковую картину мира Франции с точки зрения русского национального сознания.

При обработке результатов реакций на слово-стимул *француз* обнаружилось, что ассоциативные ряды, определяющие этноним *француз*, весьма неоднородны, что говорит о полифонии мнений современного представителя русского этноса. Сравнительно небольшое количество лексем регулярно повторяется в ассоциативных рядах респондентов: *влюбленный, интеллигент, картавый, надушенный, патриот*. Большинство других – образует семантические блоки или тематические группы, имеющие общий семный состав. Можно выделить девять семантических блоков, объединяющих лексемы, характеризующие культуру поведения, манеры, темперамент, интеллект, внешность, стиль жизни: 1) *воспитанность, тактичный, деликатный, вежливый, услужливый, культурный*; 2) *обаятельность, очарование, шарм*; 3) *утонченный, изысканный, изящный*; 4) *веселый, чувство юмора, остроумие, жизнелюбивость*; 5) *импульсивность, вспыльчивость*; 6) *художественный, тонкий*; 7) *талант, творческий, поэт, художник, эстет*; 8) *модный, стильный, элегантный*; 9) *вечность, зыбкость, беззаботность, непунктуальность*. Третье задание, которое предполагало дать развернутый ответ на вопрос: «Что такое настоящий француз?», показало следующие результаты. Этноним *француз* у 44% опрошенных связан с романтическими представлениями о нации в целом. Приведем один из типичных ответов: *У настоящего француза в крови – любовь ко всему изысканному, красивому, романтическому. Ради любви к своей даме он готов на все: петь серенады под ее окном, побеждать противников в интеллектуальных схватках. Но в то же время француз горд за свою родину, он будет бороться смело, не щадя своих врагов. Истинный француз не допустит бедности в своем доме; он всегда обеспечит семью круассанами, французскими духами и розами. Настоящий француз никогда не будет пить водку – только виски и вино!!! Настоящий француз, как и все другие национальности, считает свою нацию лучшей*. Так, ЭС *настоящий француз* у современного носителя русского языка чаще содержит положительную семантику, окрашенную романтическими представлениями.

Лексемы, регулярно повторяющиеся в семантических блоках, акцентируют внимание на поведении, внешнем облике, манере одеваться, умения выражать положительные эмоции, эстетических вкусах, национальном характере.

В разделе «Германия и немцы в русской языковой картине мира» представлен этнонимический словарный фонд, выделены и проанализированы этнонимы с корнем *-нем-, герман-*, их дериваты, синонимические эквиваленты, а также ЭС (свободные и фразеологические), отражающие индивидуальные и коллективные (стереотипные) взгляды представителей русского этноса на Германию и немцев.

В результате лексикографического исследования было выяснено, что в отличие от других этнонимических номинаций, обозначающих народы Запада (*англичане, французы, немцами*) в России называли не только представителей немецкого этноса, но и любых чужеземцев, иностранцев. Данный факт отмечен ведущими академическими словарями: БАС, МАС, Словарем Ушакова: «*Может немцы каких земель через Дон приедут*» (Злобин. Степан Разин). В Словаре древнерусского языка И.И. Срезневского лексема *немец* в первом значении определяется как «человек, говорящий неясно, непонятно». БАС фиксирует еще одно

значение лексемы *немец*: «преподаватель немецкого языка», которое активно функционирует в разговорной речи. Подобные значения (чаще в женском роде) также характерны для этнонимических лексем *англичанка*, *французенка*, например, «*англичанка* выгнала меня с урока».

Русскими толковыми словарями зафиксированы этнонимические образования, являющиеся синонимическими заменами нормативного этнонима *немец* и этнотопонима *Германия*: *немчура*, *немчик*, *немчин*, *немetchина*.

В результате лексико-семантического и контекстуального анализа было установлено, что, функционируя в художественной речи, данные номинации, как правило, выражают негативную коннотацию, обусловленную межнациональными отношениями между Россией и Германией в XIX – XX вв. – *Да какой же ты жиденький! Изморил тебя окаянная немчура!* (Гоголь. Мертвые души). «*Немчура проклятая, швабский ублюдок!*» (Рыбаков. Тяжелый песок). «*Чистенькая немочка идет красиво, чистенький блондинчик в заграничном костюме... идет этот немчик...*» (Там же). *Родом не немчин, а указывать горазд!* (Даль. Пословицы русского народа). «*Не он первый, не он последний воротился из немetchины на святую Русь скomorохом. Чему там научаются наши дети? Шаркать, болтать бог весть на каком наречии!*» (Пушкин. Арап Петра Великого). Данные этнонимические лексемы и их контекстное окружение формируют довольно резкую оппозицию «свой – чужой» в русском художественном дискурсе.

В фольклоре и разговорной речи XIX в. существовало довольно большое количество прибауток и прозвищ, которые пародировали немецкую речь или создавали ее фонетическую имитацию: *немец-перец*, *немец-шмерец*, *немец-копченый*, *колбаса*, *колбасник*, *сосиска*, «*штуки-шпеки немецки человеки*», «*шпрехен зи дейч, Иван Андреич?*», «*Вас ист дас? Кислый квас*» (Оболенская, 2000). Сложные и простые этнонимические номинации окказионального, звукоподражательного характера и их синонимические замены имеют ярко выраженный пренебрежительный оттенок.

В период Великой Отечественной войны появляется большое количество вариантов или синонимических замен этнонима *немец*: *ариец*, *гот*, *шваб*, *пруссак*, *бош*, *ганс*, *нацист*, *гитлеровец*, *фашист*, *эсэсовец*, *окупант*, *фриц*, *колбасник*, *Вертер* (Вальтер, Мокиенко. Большой словарь прозвищ). Из них только лексемы *ариец*, *гот*, *пруссак* содержат сему «национальность». Остальные называют лицо по роду военно-политической, социальной деятельности или по имени собственному, употребленному как нарицательное (*ганс*, *фриц*, *вертер*). Однако, активно функционируя в контексте художественной и разговорной речи в период военных действий, они являлись эквивалентами этнонима *немец*. «*Будем перехватывать. Хватит с фрицами менузты танцевать, время поджигает*» (Акунин. Шпионский роман).

Одним из основных объектов исследования в данном разделе является лингвокультурный типаж немца, сформированный в сознании носителя русского языка на протяжении нескольких веков. В дискурсах различного типа, классических и современных, отмечаются такие постоянные национальные черты, как педантичность, аккуратность, честность, дисциплинированность. Данные лексемы и их дериваты в художественной, публицистической, разговорной речи могут выступать в функции слов-характеристик к этнониму *немец* или употребляться как определения в составе ЭС *педантичный немец (немцы)*, *аккуратный немец (немцы)*, *дисциплинированный немец (немцы)*. Эти черты часто воспринимаются на фоне оппозиции «свой – чужой» как абсолютно несвойственные русскому народу, то есть аномальные «... и, как аккуратный и обстоятельный немец, о каждом подробно расспросил...» (А.Рыбаков. Тяжелый песок). Надо отметить, что немецкая аккуратность как стереотипный образ вошла даже в состав русской фразеологии: ~ *Немецкая аккуратность*. Чрезмерная педантичность в чем-л. *Берсеневу, как коренному русскому человеку, эта, более чем немецкая, аккуратность сначала казалась несколько дикой, немножко даже смешной* (Тург. Накануне). *Мой друг был аккуратности немецкой* (Куприн. Как я был актером). «... доктор си-

дит в машине. Там был аккуратный немец, тут – раздерганный русский интеллигент» (Артхаус-2008. Три Алексея: Частный Корреспондент).

ЭС *педантичный немец* воспринимается также на фоне оппозиции «свой – чужой». Данная черта часто высмеивается русскими: «А русские смеялись: «Этот педантичный немец. Не все ли равно, как висят картины?». «В русской литературе педантичный немец пользуется дурной славой» (Крымовед, Крым фото, сайты Крыма, история Крыма, достопримечательности). «Ну, вот я такой заскорузлый педантичный немец!» (Форум Клуба Рено > Два новых Автомобиля).

Немецкая дисциплинированность может контекстуально противопоставляться таким российским чертам, как «широта» и «безудержность»: «А Эрих все-таки немец. Существует... более дисциплинированное во всем ... нету в нем той российской широты и безудержности» (В. Кунин. Кыся).

В итоге можно отметить, что в рамках художественной, фольклорной, публицистической, разговорной речи на протяжении трех веков прослеживается довольно резкая оппозиция «свой – чужой» по отношению к этнонимической номинации *немец* и ее синонимическим заменам. Подобная оппозиция заметно слабее выражена по отношению к англичанам и французам, что обусловлено экстралингвистическими факторами. Основная часть пословиц, фразеологизмов, вариантов этнонима *немец* (*шваб, бош, пруссак, тевтон* и др.) перешла в пассивный словарь. Семантика большинства из них непонятна носителю современного русского языка. В XX в. в связи с изменением политической ситуации в стране появилось большое количество этнонимических словосочетаний, которые соединили семантику национальную и социально-политическую (*немецкий кулак, немецкая трудармия* и др.). Однако данные сочетания слов в течение двух десятилетий переместились также в пассивный словарь.

В контексте разговорной и литературной речи на протяжении трех веков наблюдается константная фиксация лексем, определяющих такие национальные качества немцев, как педантичность, аккуратность, любовь к порядку, пунктуальность, трудолюбие, честность, консервативность, гордость, высокомерие. Данные качественные характеристики прямо противоположны русским национальным чертам, поэтому языковая картина мира русских в отношении немцев формировалась на фоне акцентированной оппозиции «свой – чужой», а немец часто предстает как антипод русского.

В четвертой главе рассматривается **Восток в рамках языковой актуализации русского национального сознания.**

В итоге сравнительного анализа первого словарного значения понятия «Восток», зафиксированного в Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой (1. Одна из четырех стран света, противоположная западу), и индивидуальных наблюдений географического характера (Н. Рерих, В. Пикуль, И. Фоянков, Е. Багно) выяснилось, что словарь не отражает действительных представлений о востоке как об одной из стран света: «...географически по отношению к Японии мы – действительно Запад. Даже наш Дальний Восток – это Запад. А если плыть из Японии дальше на Восток, то приплывешь в конце концов в Соединенные Штаты...Япония – это тот Восток, который Восточней Востока, и тот Запад, который западней Запада» (Фоянков, 1977). Подобные высказывания мы относим к разряду лингвокультурных парадоксов, они определяют относительность пространственного восприятия Востока и Запада субъектами, находящимися в различных точках планеты, показывают расплывчатость денотативного и сигнификативного содержания лексем *Восток* и *Запад*. Данные слова определяют и географические, и этнокультурные понятия, их значение конкретизируется контекстуально и ситуативно.

В данной главе проанализированы нейтральные и оценочные этнонимические образования (этнонимы и их синонимические эквиваленты, этнонимические словосочетания, перифразы), называющие этносы и этнотопонимы, расположенные в Дальневосточном регионе, – Японию и Китай – и определяющие их национальные признаки в различных типах дискурса.

В разделе «**Япония и японцы в русской языковой картине мира**» проанализирован этнонимический словарный фонд, представляющий японский этнос. В результате было вы-

явлено малое количество единиц с корнем *-япон-* (не более 15 с включением сложных прилагательных типа *русско-японский*). Фразеологизмов, содержащих этноним *японец, японский*, практически нет, за исключением восклицаний междоментного характера типа *японский бог! Япона(японская) мать!* В художественных произведениях и разговорной речи восклицания подобного рода чаще произносятся в ироническом контексте: *«Господи Иисусе! – воззвал надворный советник. – Рассей чары беса японского. Когда трижды сотворенное крестное знамение не помогло, Евстратий Павлович окончательно понял, что Японский Бог сильнее русского, и повалился перед Его Косоглазием на колени»* (Акунин. Алмазная колесница). *«Все, самурай, мы расстаемся. Катитесь к вашей японской матери»* (Там же).

Наблюдения показали, что на протяжении двух веков наблюдается периодическая смена положительных и отрицательных культурных коннотаций, связанных этнонимом *японец, японцы* и их этнонимическими эквивалентами. Не актуальны в современной речи лексемы *милитарист, милитаристский*, перифразы *пруссаки Азии, вечные имитаторы* и др.

Анализ художественного дискурса показал, что отрицательную семантическую («ауру» в отношении представителей японского этноса образуют лингвокультурные коннотации, связанные с функционированием пренебрежительных этнонимических номинаций *япошка, япончик*, их синонимических замен нейтрального и грубопросторечного характера (*милитарист, самурай, косоглазый, узкоглазый, узкоплечный, обезьяна, макака* и др.). Пренебрежительное отношение актуализировано в высказываниях героев художественных текстов. *«Да мы этих япошек шапками закидаем! У япошки тонки ножки, у макаки мелки вошки!»* (Пикуль. Три возраста Окини-сан). *«Вот он где у нас, макака узкоглазая, – резкомировал Мыльников, сжав воздух крепкой пятерней»* (Акунин. Алмазная колесница). *« – Ряженный! ... А рожка косоглазая, японская! Шпион!»* (Там же).

В русской разговорной, публицистической и художественной речи употребляются перифразы к этнопониму *Япония* и этнониму *японцы: страна восходящего солнца; муравейник; страна самураев; страна хакакири и пыток, коварства и жестокости, беспрекословного повиновения и дьявольской хитрости* (И. Эренбург); *пруссаки Азии; вечные имитаторы* (И. Эренбург); *сыны микадо; воины Страны Ямато* (Б. Акунин).

Положительная контекстуальная семантика этнонима *японец* и его производных наблюдается в высказываниях, оценивающих технические и культурные национальные достижения (техника, театр, живопись, поэзия и др.), а также кулинарию, архитектуру, боевые искусства.

Концептуальное содержание этнонима *японец* в русской языковой картине мира связано со стереотипами, определяющими японские национальные черты. Характерологические черты неоднозначно оцениваются носителем русского языка и культуры. Позитивный эмоциональный контекст, окружающий этноним *японец (японцы)*, формируют лексемы, обозначающие такие качества, как любовь к природе, обостренное чувство прекрасного, готовность к самопожертвованию, стремление к заимствованиям, уважение к старшим по возрасту и положению, а также вежливость, самоконтроль, аккуратность, чистоплотность.

В контексте оппозиции «свой – чужой» функционируют лексемы, отражающие такие качества, как фанатическое трудолюбие, закрытость, чувство национальной гордости и достоинства, отрицательное отношение к гайдзинам (инностранцам), практицизм, высокий уровень дисциплинированности, чувство долга по отношению к своей социальной группе.

В разделе «**Китай и китайцы в русской языковой картине мира**» представлен этнонимический словарный состав с корнем *-китай-*, который оказался значительно ниже, чем ненормативный фонд, включающий экспрессивные этнонимические лексемы и их синонимические эквиваленты с пренебрежительной и уничижительной коннотацией типа *котаеза, китайчик, узкоплечный, чинарь*. В разговорной и художественной речи встречаются этнофолизмы *ходя, куня*, антропологические адективы *узкоглазый, желтолицый, узкоплечный*, грубопросторечная номинация *рисовая морда*, варваризмы *чинарь, чайна-таун, Чина, Чайн, чайновый*. *«...Котаеза! Говори, ходя, где пальба?»* (Акунин. Алмазная колесница).

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова отмечены фразеологизмы и свободные словосочетания, тяготеющие к устойчивым, с этнонимическим прилагательным *китайский*: *Китайская стена*; *Китайская грамота*; *Китайские церемонии*; *Китайские провинции*; *Китайское письмо*; *Китайские фонарики*; *Китайский шелк*; *Китайская вышивка*; *Китайский чай*; *Китайский фарфор*; *Китайский болванчик* [ТСРЯ, 2005: 275]. С.М. Белякова отмечает, что фразеологизм *китайская грамота* существует не только в русском, но и в польском, французском языках (Белякова, 1999).

В результате наблюдений выявилось неоднозначное отношение к китайцам носителей русского языка в XIX и XX столетиях. Этнонимы *китайцы*, *китайский* функционируют преимущественно в положительном контексте у исследователей середины XIX века и отрицательном в конце XX начале XXI вв. Однако постоянными, национальными считаются такие качества, как трудолюбие, выносливость, терпение, предприимчивость. «... *Китайцы*, как известно, отличные резчики на дереве, камне, кости. Ни у кого другого, даже у немца, не достанет терпения так мелко и чисто выработать вещь» (Гончаров, 1976). «Ни у одной нации нет такого трудолюбия и терпения, как у *китайцев*» (Поздняков, 2005). «*Надо быть китайцем*, чтобы суметь превратить в туристические жемчужины все, что хорошо лежит окрест. Это, очевидно, такой же талант, как умение превратить в пищу все, что бегаёт, ползает и летает» (Новак, 2006).

В современном публицистическом дискурсе этнонимы *китайцы*, *китайское* приобретает чаще негативную коннотацию. «*Вместе с китайцами на поля области обрушилась и лавина запрещенных в России пестицидов китайского же производства*... *Как и все китайское, эти химикаты не только опасны (с точки зрения российских санитарных норм), они еще и потрясающе дешевы*» ... «Эх! Известно ли, чем колют отечественных (по месту «прописки») *поросят китайские сельхозпроизводители?*» (ТОЗ, 04.03. 06).

В результате наблюдений над современной устной и письменной речью было выяснено, что этнонимы *китайцы*, *китайское* сочетаются с такими характеризующими лексемами, как *дешевый*, *некачественный*, *отравленный*, *недолговечный*. Кроме того, этнонимическое прилагательное *китайский* в современном дискурсе имплицитно содержит семы вышеназванных прилагательных. Например, *китайский арбуз* = *арбуз, отравленный химикатами*; *китайская обувь* = *дешевая, недолговечная обувь*; *китайский рынок* = *дешевый рынок*; *китайская одежда* = *дешевая некачественная одежда* и т. д. За последние десятилетия в устной речи с этнонимическим прилагательным *китайский* стали сочетаться такие негативно-просторечные лексемы, как *дрянь*, *дерьмо*, *гадость*. Словосочетания типа *китайская дрянь* являются обобщающим названием китайского продуктового и промышленного товара, в том числе и бытовой техники «*Из Китая вечно дерьмо какое-то идет* (об антициклоне), *хоть бы раз что-то нормальное пришло*» (из т/ф «Наша Russia»).

Этноним *китайцы* часто функционирует с денотативно отрицательными лексемами, обозначающими дурные манеры, воспитание и культуру поведения в целом: «... *китайцы обожают смачно сплевывать на публике, толкаться локтями, пробираясь в автобус, и выплевывать кости прямо на мраморные полы ресторанов*» (ТОЗ, 12. 01. 06). Этноним, употребленный здесь во множественном числе, является общим названием этноса, поэтому действия, связанные с нарушением этики (*сплевывать, выплевывать, толкаться*), приписываются нации в целом.

Оппозиция «свой – чужой», сформированная русскими в отношении китайцев и актуализированная ненормативными этнонимическими производными, имеет резко выраженный характер. Она обусловлена как объективными, так и субъективными факторами. К субъективным факторам относятся признаки, связанные с расовыми и культурно-традиционными различиями. К объективным факторам оценивания можно отнести культуру поведения китайцев в общественных местах, отношение к природным ресурсам, правилам торговли и другие.

Полярность оценок китайцев в современном российском обществе обусловлена с одной стороны значительными достижениями данного этноса в области науки, техники, спорта

и других, с другой – недопустимым, с точки зрения европейцев (в том числе и россиян) нарушением культурно-этических норм.

В **Заключении** приводятся основные выводы по исследованию указанных этнонимов, их дериватов, синонимических эквивалентов. ЭС, отражающих национальную идентификацию и самоидентификацию в русской языковой картине мира.

Обобщение современных научных представлений о концепте, концептосфере, этнонимических единицах определило тенденцию к рассмотрению этнонимов в новом аспекте: как фрагмент русской языковой картины мира, отражающей национальное самосознание.

Лингвокультурологический подход к анализу этнолексем (этнонимов, этнопонимов) позволил рассмотреть концепт «Россия» в различных аспектах – лингвоисторическом, лингвокультурологическом, собственно лингвистическом, а в качестве единиц концептуального анализа (вслед за В.В. Воробьевым) выбрать семантические доминанты концепта и их репрезентанты – лингвокультуранты.

Функционирование этнонимов и ЭС в русском языковом пространстве доказывают уникальность их как культурных компонентов концепта «Россия». Изображение России в «этнонимическом зеркале» полимерно, поскольку семантические доминанты концепта и составляющие их лингвокультуранты отражают результаты как коллективного (фразеологизмы, пословицы, народные песни), так и индивидуального (публицистические, художественные тексты) сознания.

Языковая реализация русской самоидентичности как в коллективном, так и индивидуальном сознании отображает объективные и субъективные оценки национальных реалий, которые закрепились в русском языке как «постоянные формулы» и устойчивые словосочетания (*новые русские, загадочная русская душа* и под.). Объективные оценки аргументированы историческими фактами, свидетельствами участников событий, логически обоснованы закономерностями повторяющихся явлений. Субъективные оценки связаны с идеализированными и романтизированными представлениями русских о самих себе и своей стране.

Исследование этнонимических языковых единиц, характеризующих Англию, Францию, Германию и их основное население, показало неоднозначность оценок всех изучаемых параметров. Семантический объем и возможные лингвокультурные коннотации этнонимов зависят от русских культурных и национальных стереотипов.

В результате анализа различных типов русского дискурса было выявлено, что свободные этнонимические словосочетания, обозначающие специфически национальные ЛТ (лингвокультурный типаж) и национальные черты характера (*английский сноб, английский любитель, английский чудак, ветреный француз, беззаботный француз, француз убогий, немецкая аккуратность, педантичный немец, немецкое самодовольство* и др.) рассматриваются носителем русского языка на основе заложенных стереотипов при включении оппозиции «свой – чужой», поэтому в контексте могут приобретать негативную коннотацию, связанную с противоположными русской культуре национальными привычками, традициями, мировоззрением, ценностями, то есть считаться аномальными.

Исследование показало, что восточные страны Дальневосточного региона Японии и Китая неоднозначно оцениваются носителями русского языка в зависимости от временного периода, типа дискурса и речевого жанра. Этнонимические номинации, обозначающие данные национальности, и их синонимические эквиваленты актуализируются чаще всего с негативно оценочной коннотацией с оттенками пренебрежительности, уничижительности (*япошка, обезьяна, милитарист, китаец, китайчонок* и др.). Подобные номинации чаще всего встречаются в художественной и разговорной речи, в публицистических текстах эксплицируются нейтральные этнонимы *японец, японский, китаец, китайский*.

Расовые признаки обеих национальностей спровоцировали образование адъективных номинаций *желтопузый, узкоглазый, узкоплечный* и им подобных. Национальный семантический признак, присутствующий имплицитно в данных лексемах, можно определить только контекстуально или ситуативно.

Субъективность употребления этнонимических номинаций и их контекстуального окружения (пейоративные эпитеты, метафоры, перифразы) обусловлена довольно резкой, сформированной в течение двух веков оппозицией «свой – чужой», которая отражает предельную непохожесть данных восточных этносов и русского по всем внешним и внутренним параметрам (расовые признаки, культура, традиции, ценностные установки, тип поведения и другие).

Таким образом, исследование показало, что этноним является носителем богатой лингвокультурной информации и вследствие этого приобретает статус языковой категории.

По теме диссертации были опубликованы следующие работы:

Статья в изданиях, рекомендованных ВАК.

1. Апанасенко, Э.Г. Этноним "немец" в русской языковой картине мира / Э.Г. Апанасенко // Вестник Поморского университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». Спецвыпуск – 2008. – С. 39–43. [0,5 п.л.].

2. Купеева, Э.Г. (Апанасенко). Семантическое поле "национальность" как субъективное отражение картины мира (на примере семантического микрополя "француз" в романе Ф.М.Достоевского "Игрок") / Э.Г. Купеева (Апанасенко) // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы VIII Международной научно-методической конференции. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2006. – С. 187–189. [0,4 п.л.].

3. Апанасенко, Э.Г. Концепт "Русские": денотативные границы, возможности и перспективы (на материале произведений Ф.М.Достоевского и современной публицистики) / Э.Г. Апанасенко // Россия и АТР. – Владивосток: Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2007. – март. – С.130–137. [0,6 п.л.].

4. Апанасенко, Э.Г. Россия – Восток – Запад в зеркале русского этнонима / Э.Г. Апанасенко // Россия – Восток – Запад. Проблемы межкультурной коммуникации: Материалы 3 Международной научной конференции. – Ч.1. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2007. – С.55–58. [0,4 п.л.].

Апанасенко Эльвира Геннадьевна

**Россия – Восток – Запад в зеркале
русских этнонимов**

Автореферат

Подписано в печать 02.04.2009г.
Бумага для множительных аппаратов.
Гарнитура Times New Roman. Печать RISO. Усл. печ. л. 1,2
Тираж 130 экз.
Заказ № 76

Издательство Дальневосточного государственного
гуманитарного университета.
680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68.
Отдел оперативной печати Дальневосточного государственного
гуманитарного университета.
680000, г. Хабаровск, ул. Лермонтова, 50.

